

Вернёмся на четыре месяца назад, в Мэнлян.

Ещё до того, как варвары Чунцзиня обрушили на крепость сокрушительный огненный град из бомб с горючим маслом, Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Тинсуй вели тайную беседу в уединении.

—...Однако, великие имперские амбиции уже простёрты перед нами, и мы не имеем права выказывать ни малейшего малодушия или лени. Сестрица, в грядущем деле ни один человек Поднебесной не справится лучше тебя.

Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно понимала, что Вэй Тинсуй собирается возложить на её плечи задачу исключительной, первостепенной важности.

— Чунцзинь со дня на день двинет армию на штурм. И твой долг сделать так, чтобы в хаосе этой завязавшейся битвы ты бесследно исчезла для всего мира.

— Исчезла?

— Да. Это необходимо ради безупречной подготовки к грядущей торжественной коронации Старшей Принцессы, которая состоится ровно через четыре месяца, — Вэй Тинсуй одной короткой фразой заглянула в будущее на треть года вперёд. — К тому времени основная орда Чунцзиня, потеряв весь свой боевой потенциал, уберётся обратно на север. И даже если дикари продолжат совершать локальные набеги, Ли Яньи обязана будет официально взойти на драконий трон именно в этот срок. За эти четыре месяца нам предстоит один за другим физически ликвидировать всех выживших принцев крови Ли, а действующую императрицу под жесточайшим психологическим давлением заставить добровольно зачитать манифест об отречении младенца. Провернуть такую масштабную серию интриг за столь ничтожное время — адский и титанический труд, но медлить больше нельзя. Любое промедление неизбежно породит новые роковые перемены. А как только официальная дата восхождения Ли Яньи на престол будет утверждена, Се Фучэнь пойдет на свой самый отчаянный, финальный прыжок.

— И что же он предпримет?

— В самом худшем сценарии он устроит тотальную кровавую баню прямо на улицах Жунина, чтобы разбить наши планы ценой гибели собственной фракции. Не забывай, что в его руках до сих пор остается сотысячная элитная армия. Наша кампания против Чунцзиня длилась слишком долго, даже если мы вернёмся в столицу триумфаторами, у нас физически не будет времени и ресурсов, чтобы экстренно собрать силы, способные в лобовом бою сокрушить эти сто тысяч людей Се Фучэня. А раз так, то идти напролом — это полное безумие, мы не можем позволить себе прямое столкновение.

Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно уловила суть:

— Значит, сестрица желает, чтобы я под маской без вести пропавшей тайно подняла наши скрытые резервы в тени?

– Именно, но просто собирать силы в лесах будет мало. В нынешние смутные времена, как в самой Великой Юй, так и среди приграничных кочевых племён Ху, изыавивших покорность, выжать свежих рекрутов практически невозможно. Но даже найди мы людей, масштабная покупка коней и ковка лат слишком приметное зрелище, шпионы мигом почуют неладное. Твоя задача куда тоньше: тебе надлежит скрытно сформировать ударный костяк из преданных нам тайных стражей и ювелирно, группа за группой, внедрить твоих доверенных людей прямо внутрь стотысячной армии самого Се Фучэня! И когда он двинет эти полки на штурм Жунина, твои бойцы маршем войдут в город в его же рядах. Помни, что до самого последнего, рокового мгновения вы не имеете права раскрывать себя. Нанести сокрушительный удар изнутри можно будет лишь в ту секунду, когда Се Фучэнь уверует, будто победа у него в кармане и трон взят.

Слушая леденящий душу и гениальный план Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь чувствовала, как кровь бешено закипает в её жилах. Её госпожа действительно обладала феноменальным стратегическим зрением и поразительным умением терпеливо выжидать в засаде.

– В Поднебесной эта миссия по плечу только тебе одной, – продолжала Вэй Тинсюй. – Если судить по талантам, мой второй старший брат тоже отлично подошёл бы на эту роль. Вот только стоит генералу Вэй бесследно исчезнуть на четыре месяца, как это мгновенно парализует весь фронт, породив дикие подозрения среди многочисленных фракций, и заставит Се Фучэня усилить бдительность. К тому же брат долгие годы воевал на виду и служил инспектором в ведомстве. В Жуние и его окрестностях каждая собака знает его в лицо, да и в полках служит немало выходцев из столичного гарнизона, так что затеряться среди них ему бы не удалось при всём желании. Цзо Куньда новое лицо в столице, ума и сообразительности парню не занимать, но я слишком плохо знаю его натуру, чтобы вверить ему судьбу всей нашей семьи. С Бу Цзе точно так же. Вэньцзюнь... Я даю тебе священное обещание, что эта миссия безоговорочно станет последним опасным поручением, которое я возлагаю на тебя. За все эти годы мы с тобой почти не видели мирных дней, вечно пребывая в разлуке, и я без конца отсылала тебя в самое пекло ради шпионских дел... Поверь, моё собственное сердце исходило от этого болью. Но Поднебесную сотрясают непрерывные внутренние смуты и внешние набеги, а ты, сестрица, редчайший, бесценный самородок, чей гений способен творить чудеса, потому...

– Сестрица, не нужно оправданий и лишних слов. Я пошла на это по собственной воле, – твёрдо перебила её Чжэнь Вэньцзюнь. – Я всем сердцем желаю вершить эти дела ради тебя. И каждого, кого истошно ненавидит твоя душа, я собственноручно сотру с лица земли. Ровно через четыре месяца я лично вручу тебе отрубленную голову Се Фучэня!

Именно по этой причине в момент победы над Чунцзином, когда Вэй Цзиньань уже готовился было лично пришпорить коня и ринуться в погоню за отступающим вождём, Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно распознала идеальный тактический момент. Жёстко перехватив руку генерала, она вызвалась скакать наперерез врагу вместо него.

Сорвать голову с плеч вождя Хаэрцы и ликвидировать лидера варваров действительно было её искренним желанием, однако степной вожак мчался во весь опор, и, сколько бы она ни гнала коня, настигнуть его в ночной глуши ей так и не удалось. Впрочем, погоня не была абсолютно бессмысленной: подобрав на поле боя брошенный лук, она принялась на скаку непрерывно и

яростно пускать стрелы прямо в спину улепётывающему вождю.

Прежде ей доводилось практиковаться в стрельбе из лука на полигонах, и она безупречно знала, как правильно целиться и распределять взрывную силу мышц, вот только вести прицельный огонь в седле на бешеной скорости ей пришлось впервые в жизни. Проявляя поразительный талант самообучения на ходу и полагаясь на своё великолепное кавалерийское мастерство, она мёртвой хваткой сжала бёдрами бока коня, намертво зафиксировала ноги в походных стремянах и полностью выпустила из рук поводья. Одну за другой она выхватывала стрелы из заплочного колчана и, подчистую выпустив во врага все пятьдесят стрел, четырьмя из них с глухим стуком насквозь прошила тело вождя Хаэрцы.

После такого сокрушительного града ранений, даже если вождь и умудрится зацепиться за жизнь, ему предстояло долгие месяцы провести прикованным к постели под присмотром лекарей. В ближайшем будущем обескровленное племя Чунцзинь физически не способно будет собраться в новый карательный поход, а значит внешняя угроза для Великой Юй была на некоторое время надёжно ликвидирована.

Оставалось претворить в жизнь вторую, самую страшную часть плана. Скрытно внедриться внутрь стотысячной армии Се Фучэня.

И Чжэнь Вэньцзюнь действительно являлась эталонным, безупречным исполнителем для реализации этой дьявольской стратагемы. Пожалуй, её кандидатура подходила для этой роли куда идеальнее, нежели могла предположить сама гениальная Вэй Тинсюй.

Сперва она тайно ликвидировала рядового солдата и срезала кожу с его лица, чтобы беспрепятственно проникнуть в лагерь. Закрепившись внутри, она дождалась идеального момента и пустила под нож самого передового генерала – Го Мэна. Го Мэн по своему телосложению и росту едва ли не в точности походил на неё саму. Чжэнь Вэньцзюнь оставалось лишь слегка приподнять стельки в своих боевых сапогах. Но куда более важным и ювелирным совпадением было то, что Го Мэн в молодые годы сильно отравился, из-за чего его голосовые связки были сожжены. Сама судьба будто сотворила этого командира идеальной ширмой для её секретной миссии. Благодаря прошлым маскировкам и срезаниям кожи Чжэнь Вэньцзюнь обрела колоссальный опыт: в этот раз она умудрилась безвылазно провести внутри огромной армии целых полмесяца, и ни одна живая душа не заподозрила подвоха.

И в тот миг, когда её клинок глубоко рассёк грудь Се Фучэня, а рука одним рывком сорвала с лица человеческую маску, созерцать парализующий, дикий ужас в глазах командующего было для неё высшим, неопишымым блаженством.

Когда Се Фучэнь отчётливо разглядел лик той, кто только что едва не оборвала его земное существование, рана на его груди отозвалась новой, невыносимой и разрывающей тело мукой.

Оказывается... Та их прошлая, скорбная встреча у ворот резиденции Вэй, когда Вэй Тинсюй едва сдерживала слёзы, была не более чем грандиозным, фальшивым спектаклем.

Вэй Тинсуй умышленно разыграла перед ним эту сцену эмоционального надлома и слабости. Она сделала это с единственной целью: чтобы Се Фучэнь отбросил последние сомнения, уверовал в неизбежность своего триумфа и со всеми силами ринулся в эту великую бойню. Она взрастила А-Лай как своё личное, смертоносное оружие и теперь совершила этот сокрушительный контрудар, заставив дочь пустить кровь собственному отцу.

В тот момент из распахнутых настежь створок главного зала Тайцзи лавиной хлынули бесчисленные, закованные в прочные латы элитные воины Ли Яньи. Самой же Старшей Принцессы внутри дворца не было и в помине.

Этого тотального, дьявольского капкана Се Фучэнь мог бы избежать без малейших усилий.

Ему достаточно было лишь вовремя открыть А-Лай всю страшную истину. Рассказать ей, что Вэй Тинсуй ещё много лет назад до мельчайших деталей раскусила её подлинное происхождение и прекрасно ведала, что имя «Чжэнь Вэньцзюнь» фальшивка. Стоило дочери узнать об этом циничном обмане, и вся её любовь к Вэй Тинсуй мгновенно обратилась бы в лютую, испепеляющую ненависть, и она, скорее всего, сама перерезала бы советнице горло.

Но командующий не сделал этого. Он физически не мог пойти на такой шаг. Его священным, первейшим долгом было любой ценой уберечь и спасти их единственную с А-Цюн общую плоть и кровь.

И именно из-за этой отцовской слабости Се Фучэнь, вечно оглядывающийся назад, и скованный по рукам и ногам страхом за жизнь дочери, во всём этом финальном противостоянии титанов оказался предугадан и просчитан на три хода вперёд, капля за каплей сдавая позиции.

Вэй Тинсуй же, которая с самого начала соткала эту грандиозную паутину интриг, заманив А-Лай в своё поместье и приблизив к себе исключительно ради изошрённой мести семье Се, не испытывала абсолютно никаких душевных терзаний или жалости. Просто предать смерти всех членов семьи Се было слишком мелкой добычей, неспособной насытить её колоссальный, копившийся с детства аппетит к вендетте. Своими глазами созерцать, как единокровные знатные люди дома Се с диким рёвом режут друг друга на мраморных плитах дворца по настоящему приносило её иссохшей душе высшее, неземное блаженство.

Ради этого грандиозного капкана Вэй Тинсуй без тени сомнения пустила в расход бесчисленные тысячи человеческих жизней, выбрав самый изошрённый, садистский способ глумления над человеческим разумом. Безусловно, такая тактика балансировала на лезвии бритвы и могла в любой момент с треском развалиться. Держать подле себя и вскармливать свирепого, дикого волка – это занятие, способное привести к двум разным исходам: либо ты по неосторожности совершишь оплошность и зверь загрызёт тебя саму, либо тебе удастся взрастить в нём абсолютную собачью преданность, и тогда ты сможешь направить его острые разящие клыки на любого своего врага. Включая его собственных родных отца и мать.

Вэй Тинсуй вместе с Сяохуа и Линби величаво стояли на самой верхней смотровой платформе

дворца Цзычэнь. С этой господствующей высоты вся площадь перед залом Тайцзи открывалась перед их взорами как на ладони, являя детальную панораму кипящей внизу резни.

Она видела, как Чжэнь Вэньцзюнь, прорубая себе путь сквозь хаос ближнего боя, одним ювелирным ударом нанесла Се Фучэню тяжелейшее ранение. Видела она и то, как стотысячная армия командующего, ещё минуту назад бывшая без пяти минут триумфатором, оказалась до основания расколота, дезориентирована и смята скрытыми отрядами засады. В панике и ужасе солдаты метались из переулка в переулок, совершенно не понимая, куда бежать, и сходя с ума от осознания того, что любой стоящий подле боевой товарищ может посреди ночи коварно вонзить им клинок прямо в спину. А лавина вылетевших из зала Тайцзи свежих гвардейских воинов Ли Яньи в одно мгновение окончательно переломила ход сражения, намертво зажав остатки мятежников в стальные тиски и забирая победу в свои руки.

Сети заговора, которые плелись долгие годы, наконец затянулись, и пришло время собирать первый, самый сочный урожай кровавой жатвы.

Вэй Тинсуй наконец воочию, до мельчайших деталей лицезрела этот тотальный геноцид и бойню перед тронным залом. Тяжёлый, удушающий шлейф запёкшейся крови вместе с дымом пожарищ и каплями тумана поднимался в небо, и порывы штормового ветра разносили этот запах смерти во все потаённые уголки столичных кварталов Жунина.

Многие годы подряд в каждом своём ночном кошмаре, помимо бесконечного и жуткого возвращения в Жанчуань, где её тело рвали на части, она чаще всего видела во сне именно эти дворцовые чертоги Запретного города, до самых краёв залитые багровой человеческой кровью.

Сегодня эта картина претворилась в реальность. Это был её шедевр, сотворённый её собственным гением. Её священный, зародившийся в детстве каприз был исполнен безупречно.

Всё свершилось в точности так, как она желала.

И на бледном, безупречно красивом лице Вэй Тинсуй впервые за много лет расцвела искренняя, чистая и идущая из самой глубины сердца счастливая улыбка.

Взирая на то, как его тщательно и долго вынашиваемый план рушится в пух и прах, Се Фучэнь отчётливо осознавал, что именно этого исхода Вэй Тинсуй терпеливо дожидалась всё это время. Она непременно должна была укрыться в каком-то потайном месте, дабы своими глазами лицезреть триумф своего заговора.

Се Фучэнь устремил взор на величественные ярусы дворца Цзычэнь.

Именно оттуда открывалась самая безупречная, господствующая панорама на площадь перед залом Тайцзи.

Вэй Тинсюй должна быть там!

В эту секунду Чжэнь Вэньцзюнь резко развернула коня и вновь ринулась в атаку на Се Фучэня. Однако её сокрушительный, нацеленный на мгновенное убийство удар саблей внезапно перехватил и жёстко заблокировал кто-то третий.

– А-Сюнь?! – Чжэнь Вэньцзюнь едва не лишилась дара речи. За месяцы жестоких боёв на севере она почти позабыла, что младшая дочь Се Тайхана тоже находилась в столичном поместье Се, и никак не ожидала, что судьба вновь сведёт их на поле брани лицом к лицу.

– Предательница рода Се! Предательница Великой Юй! – со слепой яростью выкрикнула А-Сюнь. Вскинув руку, она со свистом взмахнула длинным походным кнутом, целясь прямо в Чжэнь Вэньцзюнь. На той были надёжные тяжёлые латы, так что удары плети не причиняли ей особого вреда. В её памяти А-Сюнь навсегда осталась изнеженной барышней, чьи навыки боевых искусств были весьма поверхностными. Чжэнь Вэньцзюнь двигалась куда быстрее и точнее. В былые годы, когда они вместе тренировались на полигоне, Чжэнь Вэньцзюнь вечно исходила за неё тревогой. Повесь на расстоянии десяти шагов обычное яблоко, и Се А-Сюнь, целый месяц без умолку хлеща хлыстом, дай бог попадёт по мишени в половине случаев. Младшая дочь никогда не отличалась выдающимся умом или талантом стратега, но она была чистой и доброй девушкой. Чжэнь Вэньцзюнь искренне любила её как сестру и в самых страшных снах не могла вообразить, что им придётся сойтись в сражении на этой площади, ведя войну на уничтожение и отнимая друг у друга жизни.

Видя, что соперница лишь уходит в глухую защиту и не наносит ответных ударов, А-Сюнь пришла в ещё большее бешенство:

– Смердящая псина! Не смей смотреть на меня свысока!

Мёртвой хваткой уцепившись за узду боевого коня Чжэнь Вэньцзюнь, А-Сюнь мощным толчком ноги взмыла в воздух, запрыгнула прямо на круп жеребца и одним резким движением обмотала длинный хлыст вокруг шеи девушки, затягивая петлю. Чжэнь Вэньцзюнь в самый последний миг умудрилась просунуть ладонь под кожаный ремень, спасая гортань от удушья. Тогда А-Сюнь рыбкой сорвалась с седла вниз и, используя всю массу собственного тела как противовес, с силой увлекла Чжэнь Вэньцзюнь за собой на землю.

Рухнув на спину в раскисшую грязь, Чжэнь Вэньцзюнь пружиной вскочила на ноги и в два широких шага сократила дистанцию, преграждая А-Сюнь путь. Натянутый до этого в струну хлыст в один миг безвольно обмяк, полностью утратив свою сокрушительную убойную силу, а его свободный конец Чжэнь Вэньцзюнь намертво зажала в своём кулаке. Если бы А-Сюнь пожелала вернуть оружие, ей пришлось бы мериться с ней чистой физической силой, что было для неё невыполнимо. Если же она решилась бы бросить его, то в то же мгновение лишилась бы своего самого привычного и грозного оружия.

Времени на долгие раздумья у неё не оставалось. Чжэнь Вэньцзюнь уже вплотную приблизилась к ней, и её тяжелый кулак, рассекая воздух со свистом ветра, со всей силы

полетел прямо в лицо А-Сюнь.

Та испуганно зажмурилась, подсознательно приготовившись к сокрушительному удару, который должен был раздробить ей кости. Но в самую последнюю, роковую секунду кулак Чжэнь Вэньцзюнь замер в каком-то жалком миллиметре от её носа.

Она физически не смогла довести удар до конца.

Все те воспоминания о былых днях и ночах, когда они были неразлучны и делились сокровенным, до сих пор жили в самой глубине её сердца. А-Сюнь, точно так же, как и её покойная матушка, являлась частью её самых светлых, чистых и бесценных сокровищ памяти. Поднять на неё карающую руку Чжэнь Вэньцзюнь была не в силах.

А-Сюнь никак не ожидала, что в самый решающий миг враг умышленно даст ей поблажку, и это великодушие соперницы привело её в неописуемую ярость. Безжалостно отбросив ставший бесполезным хлыст, она молниеносным движением выхватила из широких рукавов парные походные кинжалы. Шагнув вплотную к Чжэнь Вэньцзюнь, она принялась наотмашь, ювелирно крутить стремительные ножевые колеса, раз за разом нацеливая лезвия прямо в шею противницы.

За последние годы, пережив гибель близких и крах своего дома, А-Сюнь взрастила в своём сердце неистовую, испепеляющую ненависть. Она тренировалась, не щадя сил, и её ближний бой стал на редкость профессиональным. Холодная сталь так и мелькала в воздухе ослепительными вспышками. Чжэнь Вэньцзюнь же обронила свою саблю ещё в момент падения с коня. Лишившись возможности выставить жёсткий блок, она была вынуждена непрерывно пятиться назад под этим градом ударов. И как раз в этот миг её окружили ещё больше десятка мятежных солдат. Пользуясь тем, что девушка дезориентирована, они принялись коварно атаковать её со всех сторон, и их клинки один за другим с глухими ударами крушили её защитную кольчугу, на доспехах Чжэнь Вэньцзюнь проступили первые багровые струи крови.

– Дело дрянь, – стоя на верхних террасах дворца Цзычэнь, Линби воочию узрела, что Чжэнь Вэньцзюнь капля за каплей сдаёт позиции и оказывается в смертельной ловушке. Её сердце сжалось от парализующей тревоги.

Заметив это, Вэй Тинской леденящим тоном отдала экстренный приказ: Линби и Сяохуа обязаны немедленно взять под уздцы лучших наёмников из числа тайной стражи и лететь вниз, на выручку к Чжэнь Вэньцзюнь.

Однако Сяохуа наотрез отказалась сдвинуться с места:

– Что бы ни разразилось на этой площади и какая бы бойня ни кипела вокруг, я ни на шаг не покину мою госпожу. Мой единственный, священный долг – оберегать абсолютную безопасность молодой госпожи Вэй, и никого другого в этом мире я защищать не стану.

Вэй Тинсуй прекрасно знала упрямый, непреклонный нрав своей телохранительницы и спорить с ней не стала. Резким взмахом руки она велела Линби без промедления вести людей на площадь в одиночку.

Увлекая за собой восьмерых элитных, прошедших суровую школу ликвидаторов, мастеров из тайной стражи Вэй, Линби вихрем помчалась вниз по ступеням, готовая врезаться в гущу ближнего боя перед залом Тайцзи. Но именно в эту секунду Се Фучэнь, непрерывно сканирующий взглядом кручи, отчётливо зафиксировал движение на верхних ярусах.

Она действительно скрывалась под сводами дворца Цзычэнь!

Се Фучэнь мгновенно перераспределил силы и двинул отборную сотню своих тяжёлых воинов на штурм смотровой башни. Вэй Тинсуй со своего места тотчас же почуяла приближение первобытной, смертельной опасности и сухо велела Сяохуа немедленно разворачивать кресло и готовиться к экстренной эвакуации из дворца.

Когда Вэй Тинсуй, Сяохуа и чуть больше десятка личных стражей покинули ярусы дворца Цзычэнь, им навстречу выбежала Чжун Цзи.

– Госпожа, Сяохуа, скорее в повозку! – тяжело дыша и едва переводя дух, выкрикнула Чжун Цзи, соскакивая со своего экипажа. – Все основные пути к отступлению уже намертво перекрыты людьми семьи Се. Мне удалось разведать ещё один тайный подземный ход, через который мы сможем прорваться. Быстрее, следуйте за мной!

Вэй Тинсуй и Сяохуа не двинулись с места в первую же секунду. Видя их промедление, Чжун Цзи не удержалась и истошно повысила голос:

– Времени не осталось! Живо!

– Не верьте ей... – внезапно с противоположной тропинки, шатаясь и весь покрытый бурыми пятнами крови, показался старый лекарь Сюй. Все присутствующие как один человек устремили на него взоры. Старик трясущимся пальцем указал на Чжун Цзи. – Она... Она тайный лазутчик дома Се! Эта тварь ещё задолго до сегодняшней ночи заключила подлый союз с Се Фучэнем и подготовила капкан. Она прекрасно знала, что молодая госпожа укроется в Цзычэне, и умышленно расставила здесь сети, чтобы сжить госпожу со света! Едва ваш покорный слуга раскрыл её гнусный замысел, как она безжалостно подняла на меня карающий клинок... Чжун Цзи, сколько лет я растил тебя и как к тебе относился, твоё собственное сердце должно знать лучше всего! Я ведь верил тебе и любил как родную дочь, а ты дерзнула сотворить такое скотство! Да ты же хуже дикого пса и грязной свиньи!

Столкнувшись с яростными обвинениями наставника, Чжун Цзи лишь растерянно лепетала: «Я этого не делала...», и в момент нарастающей паники попыталась силой увлечь Вэй Тинсуй за собой, чтобы поскорее увезти её прочь. Однако бдительная Сяохуа резким, обратным ударом ладони наотмашь встретила её корпус. От этого сокрушительного выпада Чжун Цзи кувырком отлетела назад, рухнув на землю, и изо рта её непрерывным потоком хлынула кровь.

Господин Сюй с превеликим трудом взобрался в повозку Чжун Цзи:

– Госпожа, умоляю, скорее следуйте за мной! Здесь смертельно опасно, нам нельзя задерживаться тут ни на долю секунды!

Один удар ладони Сяохуа обладал поистине колоссальной, способной сокрушать скалы силой. Чжун Цзи же отродясь не обучалась боевым искусствам, и кости её тела ещё даже не успели окрепнуть до конца, отчего принять на себя столь мощный выпад без тяжёлых увечий было для неё невозможно. Кое-как приподнявшись с земли, она попыталась что-то сказать, но кровь без умолку заливала ей горло, мешая дышать.

– Не... верьте... На самом деле шпион... это он...

По правде говоря, Сяохуа в глубине души вовсе не считала Чжун Цзи тайным агентом. Эта девица на протяжении столь долгого времени лично врачевала её тело и выводила из её организма смертоносные яды. Желай она оборвать жизнь телохранительницы, ей бы не составило труда сделать это ещё в самом начале. А устрани она Сяохуа, и ликвидировать саму беззащитную Вэй Тинсюй было бы делом нескольких минут. И всё же Чжун Цзи ни разу не пошла на подобное преступление. С другой стороны, если рассуждать в таком ключе, то и у Господина Сюй за эти годы было бесчисленное множество идеальных возможностей пустить госпоже кровь, но и он до этого момента оставался чист.

И вот теперь эти учитель и ученица в один миг ополчились друг на друга, с пеной у рта отстаивая свою правоту. Не было сомнений, что один из них нагло и безбожно лгал.

Но кто именно являлся предателем? Господин Сюй или Чжун Цзи? Сяохуа в эту секунду физически не могла нащупать верный ответ.

– На самом деле всё устроено до смешного просто, – внезапно раздался тихий, леденящий голос Вэй Тинсюй, мгновенно приковавший к себе всеобщее внимание.

Её кристально уверенный, властный вид в один миг заставил лица Господина Сюй и Чжун Цзи мёртвенно побледнеть и натянуться как струна. Сяохуа понятия не имела, какую именно тактическую уловку приготовила её хозяйка, однако, видя этот абсолютно невозмутимый и наполненный уверенностью облик госпожи, она сразу поняла, что у Вэй Тинсюй всё под контролем.

Советница неторопливо извлекла из широкого рукава крошечный фарфоровый флакон со снадобьями и покачала им в воздухе прямо между Чжун Цзи и Господином Сюем.

– Один из вас двоих тайный лазутчик, которого Се Фучэнь ещё бог весть сколько лет назад тайно внедрил в моё ближайшее окружение, чтобы в заветный час улучшить момент и оборвать мою жизнь. Вот только я по своей природе излишне подозрительна и бдительна, отчего в первое время у вас попросту не было шанса подобраться к моему изголовью с клинком. В более

поздний же период вы до смерти боялись, что я устрою вам обратную проверку и вскрою ваши личины, а потому вели себя тише воды, ниже травы, не смея поднять оружия. И лишь сегодня, в большую бойню, предатель наконец решился на отчаянный прыжок. Стоит признать: вы маскировались безупречно. Все эти годы я непрерывно ломала голову, кто же из вас двоих является псом командующего... Или же вы оба трудитесь на его благо. Я слишком долго ждала наступления этой ночи, – Вэй Тинсуй слегка подала корпус вперёд, и на её бледном лице проступило пугающее, предвкусное выражение. – Дело в том, что я ещё в самом начале оставила на теле шпиона потайной сакральный маркер. Каждое секретное послание, которое Се Фучэнь тайно пересылал своему агенту внутрь моего поместья, предвательно проходило через мои собственные руки. И я без конца смазывала эти свитки особым, редким токсином.

Стоило этим речам сорваться с её губ, как мимика на лицах учителя и ученицы претерпела совершенно разные изменения.

– Впрочем, тревожиться не стоит. Тот яд, что ввелся в кожу лазутчика при прикосновении к письмам, не убивает жертву на месте. Мне ведь необходимо было, чтобы этот предатель капля за каплей исправно сливал Се Фучэню именно те дезинформационные сведения, которые были выгодны моей собственной семье. И пусть токсин прочно пустил корни в его плоти, он не причинит вреда ровно до тех пор, пока этот человек не примет внутрь вот это вещество. Стоит двум скрытым компонентам соединиться в желудке, как они в ту же долю секунды превратятся в смертоносный яд, несущий мгновенную кончину, – с этими словами Вэй Тинсуй сорвала колпачок с флакона и вытряхнула на ладонь две круглые пилюли.

Как раз в это мгновение до слуха Сяохуа донёлся оглушительный, нарастающий гул приближающихся шагов армии Се Фучэня. Топот сотен кованых сапог сливался в сплошной грохот, из-за шума ливня было тяжело точно определить, из какого именно переулка выдвигаются штурмовые роты командующего, однако можно было утверждать со стопроцентной вероятностью, что численность наступающих составляла никак не меньше тысячи воинов.

Если этот отряд солдат возьмёт их в глухое кольцо оцепления, то какими бы выдающимися навыками боевых искусств ни обладала Сяохуа и как бы круто её стражи ни умели в одиночку вырезать десятерых, их шансы вырваться живыми из этой мышеловки сведутся к абсолютному нулю.

Крупные капли холодного пота от дикого напряжения покатались по лбу Сяохуа. Однако сама Вэй Тинсуй не выказывала ни малейшего признака спешки или паники. Словно напрочь оглохнув и не слыша грохота приближающейся лавины врага, она со всё тем же леденящим спокойствием держала раскрытую ладонь, призывая Господина Сюя и Чжун Цзи самостоятельно подойти и взять лекарство.

Чжун Цзи, преодолевая адскую боль в сломанных рёбрах и волоча за собой полупарализованное тело, с превеликим трудом подползла к креслу, пальцами подцепила пилюлю и без секундных колебаний проглотила её. Следом за ней к ладони госпожи величаво придвинулся и сам Господин Сюй. Точным движением руки он перехватил вторую пилюлю, резко запрокинул голову назад, имитируя глотательное движение, но стоило его руке опуститься обратно, как Сяохуа коршуном взметнулась вперёд и мёртвой хваткой перехватила

его за запястье.

- Ты... - старик попытался было рвануться и высвободить руку, однако Сяохуа не оставила ему ни единого призрачного шанса на спасение. Одним ювелирным поворотом кисти она с хрустом вывернула его сустав, едва не сломав кость. Господин Сюй зашёлся в страшном вопле от невыносимой муки, и в ту же секунду та самая потайная пиллюля, которую он якобы проглотил, со стуком вывалилась из его широкого рукава на землю. Он умышленно спрятал её, не став принимать внутрь.

Сяохуа мощным, сокрушительным ударом кулака в челюсть опрокинула старика навзничь в грязь, молниеносным росчерком выхватила из-за пояса тяжёлый боевой клинок и одним резким выпадом насквозь пронзила его грудную клетку, пригвоздив предателя к полу.

Едва Господин Сюй испустил дух, Сяохуа молниеносным движением подхватила Вэй Тинсюй на руки, бережно пересадила внутрь повозки и туда же затащила едва живую Чжун Цзи, в которой теплилась лишь половина души.

- В какую сторону гнать? - резко спросила Сяохуа, запрыгивая на облучок.

Укрывшаяся в салоне Чжун Цзи, из последних сил преодолевая муку, хрипло выдавила:

- На Северный тракт...

Сяохуа без секундных колебаний повела коней, и экипаж на бешеной скорости понёсся по Северному тракту. Элитные тайные стражи дома Вэй вихрем следовали за ними по пятам. Чжун Цзи, отчаянно борясь с накатывающим беспамятством, непрерывно подсказывала Сяохуа потайные повороты и лазейки. Умело обходя все центральные улицы и дороги, они мчались вперёд и, как и было предсказано, за весь путь так и не наткнулись ни на один патруль Се Фучэня.

Прямо перед тем, как окончательно лишиться чувств и погрузиться во тьму, Чжун Цзи не удержалась от терзающего её любопытства и едва слышно спросила Вэй Тинсюй:

- Госпожа... Те два скрытых яда, о которых вы говорили... Что это были за токсины?

- Никаких ядов не было, - небрежно и безучастно отозвалась Вэй Тинсюй. - Я просто выдумала эту сказку на ходу, чтобы заставить шпиона выдать себя.

Чжун Цзи:

- ...

Между тем, на залитой кровью площади перед залом Тайцзи командующий Се Фучэнь воочию созерцал, как А-Сюнь яростно сражается с Чжэнь Вэньцзюнь. Окружившие девушку наёмники командующего непрерывно усиливали натиск, и Чжэнь Вэньцзюнь, вынужденная в одиночку отбиваться от целой оравы врагов, капля за каплей сдавала позиции и выбивалась из сил. При виде этой картины Се Фучэнь тайно отдал приказ своим самым доверенным гвардейцам немедленно вмешаться в бой под видом хаоса и скрытно оберегать жизнь Чжэнь Вэньцзюнь, не позволяя наёмникам прикончить её.

А-Лай была жива, и от этого осознания на душе командующего воцарился невероятно сложный, противоречивый хаос. Однако ни для радости, ни для горьких сомнений времени у него не оставалось. Он трезво понимал, что раз Ли Яньи нет в главном тронном зале Тайцзи, значит, узурпаторша гарантированно укрылась во дворце Хуайчэнь.

Он молниеносно вывел из бушующей на площади мясорубки элитного мастера скрытого клинка Хан Ле. Объединив силы, они во главе пятисот отборных воинов покинули хаос Запретного города и, встретившись на улицах с основными силами повстанцев «Армии Жёлтой Земли», бурным потоком устремились напрямик к дворцу Хуайчэнь.

Какими бы потерями ни завершились бои в остальных кварталах столицы, Се Фучэнь твёрдо знал, что его финальная, наивысшая цель – это физическая ликвидация самой Ли Яньи.

Стоит принцессе испустить последний вздох, и все узлы Поднебесной будут разрублены в один миг.

– Господин Се, под силу ли вам удерживать оружие? – Хан Ле бросил тревожный взгляд на командира. Тяжёлое ранение саблей в грудь, нанесённое Чжэнь Вэньцзюнь, давало о себе знать. Вся передняя часть лат командующего была сплошь залита багровой кровью, его лицо стало бледнее обычного на два тона, его бил непрекращающийся глухой кашель, а веки неумолимо тяжелели и опускались вниз. Старый воин держался в седле исключительно на железной, первобытной силе собственной воли.

– Пустяки... Главное... стереть Ли Яньи с лица земли, – Се Фучэнь, сцепив зубы, посильнее сжал бока коня, крепко перехватил рукоять меча и во главе колонны ринулся сквозь дождливую ночь, лично выкашивая любого врага на своём пути.

Истошные предсмертные вопли врагов и пьянящее чувство бешеного полёта верного коня в один миг всколыхнули в его сердце воспоминания тридцатилетней давности. Те дни, когда он был всего лишь молодым кавалерийским офицером Великой Юй. Вот так же, вздымая коней на дыбы и сокрушая любые преграды, он сминал вражеские ряды, начисто выжигая любую нечисть под копытами своих отрядов.

И сегодня история повторится вновь!

Вскоре после того, как Ли Яньи вернулась в резиденцию Хуайчэнь вместе с А-Синь, прибыло первое военное донесение: армия Се Фучэня с боем прорвалась в Запретный город. Однако не

прошло и получаса, как прилетела ещё одна весть, сообщавшая ошеломляющую новость: ситуация на поле боя претерпела противоестественный, фантастический переворот. Внутри штурмовых корпусов Се Фучэня вспыхнул массовый бунт, и его собственные полки с бешеной яростью уничтожают друг друга.

Ли Яньи не удержалась от торжествующего смеха:

- Цзычжо ещё задолго до этой ночи открыла мне, что сестрица Вэньцзюнь умышленно инсценировала собственную гибель ради сотворения этой скрытой засады! И ведь этот план Цзычжо доверила исключительно мне одной, утаив его даже от своих самых близких слуг! Обмануть собственных людей, чтобы со стопроцентной гарантией ослепить врага... Цзычжо и Вэньцзюнь провели эту партию безупречно!

Сопровождавшая её А-Синь не проронила ни единого звука. Прочные верёвки на её запястьях до сих пор оставались неразвязанными. Промокшая до нитки под проливным дождём, она сидела с низко опущенной головой и хранила гробовое молчание, являя собой весьма хрупкое и жалкое зрелище.

Ли Яньи принесла плотный отрез сукна и принялась бережно осушать капли ливня с тела А-Синь. Приготовившись наконец развязать узлы на её руках, она ласково спросила:

- Если я распушу эти путы, моя Цинцин снова бросится на меня с кулаками?

А-Синь лишь опустила ресницы, она не удостоила этот кокетливый выпад бывшей возлюбленной никаким ответом. Ли Яньи же, созерцая эту её холодную мину, находила в ней особое очарование и собственными пальцами аккуратно распутала верёвки на её запястьях.

Выстроившиеся по периметру зала Хуайчэнь личные гвардейцы ни на миг не спускали с пленницы хищных взоров, а их ладони мёртвой хваткой сжимали эфесы сабель. Стоило А-Синь из семьи Се выказать хотя бы малейший намёк на агрессию, и они в ту же долю секунды коршунами бросились бы вперёд, чтобы силой скрутить её.

Однако, к немалому удивлению стражи, А-Синь даже не шелохнулась.

Служанка принесла чашу согревающего имбирного отвара. Принимая её из рук рабыни, Ли Яньи ровным тоном велела всем присутствующим:

- Ступайте вон.

Личные гвардейцы переглянулись в нерешительности, но никто не посмел сдвинуться с места.

- Я не привыкла повторять свои приказы дважды.

Только после этих леденящих слов стража попятилась к выходу, и передний зал опустел. Они остались вдвоём.

– Ну же, выпей немного, согрей тело, – Ли Яньи была готова собственноручно поить А-Синь. – Твоя былая зависимость от «Порошка Фужун», похоже, изрядно отступила. Должно быть, твой наставник выписал тебе верное снадобье. На самом деле твой учитель всегда относился к тебе с великой теплотой, это я была излишне мелочной и вечно ревновала тебя к нему, я была кругом неправа. Как-нибудь нам непременно стоит вдвоём навестить этого почтенного старца и принести ему самые искренние слова благодарности. Но сперва ты обязана как следует выходить своё тело. Рана в пояснице до сих пор невыносимо ноет? Если ко всему этому тебя ещё и ледяной простудой прихватит, то я от тревоги окончательно лишусь рассудка. Прошу тебя, выпей отвар побыстрее, не заставляй меня больше изводить себя муками страха.

А-Синь так и не устремила на неё свой взор, однако послушно и кротко приоткрыла губы.

Ли Яньи бережно вливала янтарную жидкость ей в рот, и созерцая, как та безропотно сглатывает целебное снадобье, чувствовала, как в её собственной груди разливается благодатное и щемящее тепло.

– Вновь видеть тебя настолько послушной... Да если бы мне суждено было прямо сейчас пасть от твоей руки, я бы ушла в мир иной без малейшего сожаления, – с искренним упоением выдохнула Ли Яньи. Стоило этой фразе сорваться с её губ, как длинные ресницы А-Синь едва заметно дрогнули.

– Ты ведь передумала бежать и вернулась за мной лишь ради того, чтобы самолично оборвать жизнь мне – узурпаторше и проклятию этой нации, я права? – Ли Яньи вкрадчиво озвучивала её потаённые мысли, ни на секунду не прерывая заботливого кормления.

– Ваше Величество! – в этот миг снаружи двора грянул оглушительный, яростный крик. Разрубая ряды защитников, Се Фучэнь во главе своих штурмовых отрядов с боем ворвался во дворец.

Ли Яньи мгновенно отставила чашу в сторону и решительным шагом направилась к выходу, но её тут же силой затолкнул обратно внутрь окровавленный личный телохранитель:

– Ваше Величество, назад! Здесь смертельно опасно!

В ту же секунду наёмный убийца Хан Ле молниеносным выпадом направил остриё своего скрытого клинка прямо в лицо Ли Яньи. Принцесса ювелирным поворотом корпуса уклонилась от смертоносной стали, а подоспевшие стражи Хуайчэнь дружно навалились на ликвидатора, заставив Хан Ле поспешно отступить.

Се Фучэнь швырял свои полки в атаку, и за считанные мгновения обширные внутренние дворы резиденции Хуайчэнь оказались забиты бесчисленными закованными в броню воинами.

Покои Ли Яньи оберегала элитная охрана, однако Се Фучэнь пригнал под стены слишком колоссальную лавину стали. Личные отряды семьи Вэй и Чжансунь, расквартированные здесь специально для обеспечения безопасности принцессы, оказывали мятежникам яростное, кровопролитное сопротивление. На плитах двора кипела тотальная, беспощадная бойня. Се Фучэнь и Хан Ле во главе авангардных групп отчаянно пытались пробить центральный проход и ворваться прямо в парадный зал, где укрылась Ли Яньи.

Однако стоило нескольким элитным солдатам с грохотом вышибить дубовые створки дверей и сунуться внутрь, как их тела со свистом вылетели обратно на крыльцо. Следующая волна мятежников с рёвом ринулась на привал, но и её контрудар смял и отбросил назад.

Се Фучэнь застыл в полном, парализующем недоумении. Какой же великий мастер боевых искусств засел в этом зале, умудряясь в одиночку удерживать узкий проход против целой армии, являя эталон обороны, когда один воин на заставе стоит десятка тысяч врагов?

И в самый пик его мучительных сомнений двери парадного входа распахнулись настежь и на пороге явилась его собственная дочь А-Синь.

Лицо её было белым как саван, а покалеченная поясница лишала её сил самостоятельно удерживать равновесие. Тяжело дыша, она опиралась обеими руками на рукоять своего длинного меча, чтобы не рухнуть ничком, но её хрупкая фигура монолитным утёсом перегородила Се Фучэню путь к жизни и смерти Ли Яньи. Она застыла на пороге, не намереваясь отступать ни на шаг точно так же, как в прошлые годы она веками величаво и недвижимо держала глухую оборону на священных рубежах Великой Юй.

- Да, я со всей страстью желала предать тебя смерти, но... - А-Синь стояла лицом к накатывающей опасности и спиной к Ли Яньи. Принцесса не могла видеть выражения её глаз.

- ...Но я оказалась способна сдержать натиск несметных полчищ и сокрушить тысячи вражеских армий и при этом совершенно бессильна, чтобы сдержать саму себя перед тобой.

<http://bllate.org/book/17227/1758151>